Добро пожаловать в виртуальный мир, где фантазии становятся началом настоящих приключений. Пусть каждый ваш шаг по темным лабиринтам этого романа подарит веру в силу собственных желаний. Мы уверены: именно мечта способна стать вашим главным проводником в неизведанное.

С любовью к читателям и книгам,
команда

НАВЕССА АЛЛЕН

ПОЦЕЛУЙ С ТЕНЬЮ

INSPIRIA
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
А50

Navessa Allen

LIGHTS OUT (Book 1)

Copyright © Navessa Allen, 2024
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Перевод с английского *Таисии Масленниковой*

Design by Christopher Brian King, © mamita / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© pas_td 4425, LeonART Studio, Dian Elvina, Irina Kryvets / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на октрытке *JulyB*

Аллен, Навесса.
А50 Поцелуй с тенью / Навесса Аллен ; [перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 464 с.

ISBN 978-5-04-222592-5

Эли Каппеллуччи — медсестра в отделении травматологии. Она каждый день вытаскивает людей с того света, а ночью наслаждается тьмой — где мужчины носят маски, не произносят ни слова и смотрят сквозь экран телефона так, будто знают о ней все. Но есть среди них особенный. Ее фантазии о нем темные, страстные и опасные. После одного пьяного комментария Эли Джош вдруг появляется в ее доме — безупречный, опасный, молчаливый. Их игра становится реальностью. Но за ними кто-то наблюдает. Кто-то, чьи намерения выходят далеко за пределы фетишей. Теперь Джош не просто ее сталкер. Он ее единственная защита.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-222592-5

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«Поцелуй с тенью» — это мрачный ромком с тяжелой тематикой. Заранее осведомляем читателя, что в романе содержатся:

- Откровенные диалоги и сцены сексуального характера (в том числе анальные игры)
- Сцены употребления алкоголя
- Упоминания (без описаний) изнасилования
- Насилие над детьми (воспоминания)
- Медицинские описания
- Кровавые и пугающие сцены (в обстановке больницы)
- Обсуждения ментального здоровья
- Упоминания серийных убийц и их преступлений
- Эпизодические упоминания стрельбы в общественных местах
- Преследование
- Вторжение в частную жизнь
- Вторжение в жилище
- Скрытые камеры
- Хакерство
- Кража
- Ненамеренный каннибализм (воспоминания)
- Смерть
- Автокатастрофы (воспоминания)
- Описания мучительной смерти (воспоминания)
- Смерть родителя
- Игры с дыханием
- Игры с ножами
- Игры с оружием
- Сексуализация страха
- Сексуализация инстинктов
- Игры с масками
- Согласованное неоднозначное согласие

Для тех, кому хватит смелости
воспользоваться ножом

1

ЭЛИ

Дела у новенькой шли не очень. Когда я вошла в комнату отдыха, она сидела согнувшись на дешевом пластиковом больничном стуле и смотрела в пустоту. Ее форма измялась, растрепанный пучок съехал набок, а светлые пряди торчали во все стороны, будто она рвала на себе волосы. Ее кожа под флюоресцентными лампами казалась восковой и бледной.

Две другие медсестры отошли подальше и освободили пространство, тревожно поглядывая в ее сторону, будто ее сейчас вырвет или она упадет в обморок. Или, что еще хуже, уйдет, как и многие другие.

Только через мой труп.

Она была нам нужна. Я больше не могла выдерживать по несколько пятнадцатичасовых смен подряд — иначе бы я просто выгорела.

Я сделала глубокий вдох и направилась к ней. Остановилась на некотором расстоянии на тот случай, если ее все-таки стошнит: нужно оставаться вне зоны досягаемости брызг. Она, кажется, не заметила меня. Плохой знак.

— Эй, Бринли, верно? — спросила я ровным, спокойным голосом. Таким же тоном я говорю с больными детьми.

Она сморгнула и обернулась ко мне. Взгляд ее голубых глаз был остекленевший, расфокусированный, как будто она меня не видит. Она была на грани шока. Я сразу это

поняла: я видела такое почти на каждой смене как минимум у одного пациента.

Проклятье, так она точно уйдет.

Я полуобернулась, не отрывая взгляда от Бринли.

— Одеяло?

Звук удаляющихся шагов дал мне понять, что кто-то отправился выполнять мою просьбу. Я снова склонилась над новой медсестрой и полностью на ней сосредоточилась. Коллеги рассказывали мне о ней. По их словам, она работала медсестрой три года, и ее только недавно перевели из небольшой окружной станции скорой помощи. В травматологическом отделении она работала впервые.

Некоторые люди вполне успешно справляются на станциях скорой помощи, но здесь ломаются. Мы были городом в городе, а наша метрополия славилась заоблачно высоким уровнем преступности. Не проходило ни смены, чтобы мы не увидели самого страшного: ножевые ранения, изнасилования, пулевые ранения, жертвы домашнего насилия, жертвы чудовищных автокатастроф и дальше по списку.

Сегодня было особенно жестко, даже для меня, а уж я повидала столько дерьма, что потрясало меня немногое. А кого-то нового в травматологии, типа Бринли, это могло чертовски напугать. Мне оставалось только проклинать судьбу, что ей досталась такая неудачная первая смена без куратора.

Боковым зрением я заметила приближение одеяла. Я не глядя схватила его и накинула Бринли на плечи. Она двигалась как автоматон: резким механическим движением она дернула за концы одеяла, чтобы укутаться.

— Его грудь... — произнесла она так тихо, что я едва смогла услышать. — Посередине ее просто... Не было.

О, ей досталось входное отверстие после выстрела с близкого расстояния. Было просто удивительно, что мужчина умудрился доехать сюда живым, но и печально, потому что мы почти ничего не можем сделать в таких случаях. Слишком большие куски сердца, легких и других жизненно важных органов были разодраны в лоскуты, чтобы человек мог такое пережить. Я слышала, он скончался почти сразу после поступления. Если он попал к Бринли, то она, наверное, была с ног до головы в крови. Неудивительно, что она

переодела форму, и ее волосы все еще были влажными после мытья.

— Ты ничего не могла сделать, — сказала я.

Она шмыгнула носом, а ее глаза, казалось, наконец-то сфокусировались на мне.

— Я знаю, но... *Боже.* Кажется, я никогда не смогу выкинуть эту картинку из головы.

Не волнуйся, завтра ты увидишь что-то столь же травмирующее, и картинка в голове сменится, подумала темная сторона моей личности, но я никогда не сказала бы такого вслух.

— Кто-нибудь тебе уже рассказал про психотерапевта? — спросила я.

Она кивнула.

— Третий этаж, да?

— А если ты на ночной смене и тебе нужно с кем-нибудь поговорить, работает круглосуточный телефон доверия.

Возможно, руководство больницы и перегружает нас работой, но они действительно ставят в число приоритетов ментальное здоровье своих сотрудников. Мы почти каждый день сталкиваемся с таким же количеством травм, как и солдат на передовой, и это объясняет запредельное количество случаев выгорания и ПТСР.

Я регулярно говорю с нашим специалистом горячей линии. Это одна из немногих вещей, которая позволяет мне сохранять относительную вменяемость, пока система здравоохранения разваливается на глазах и из профессии уходит столько людей, что нам начинает угрожающе не хватать персонала.

— У меня нет номера горячей линии, — сказала Бринли, и по ее щеке скатилась единственная слеза.

Это был хороший знак. Со слезами уже можно работать. Слезы означают, что начался процесс осмысления и риск шока миновал.

— В какой шкафчик ты положила свои вещи? — спросила я. — Я могу взять твой телефон и вбить туда номер.

Через двадцать минут она уже стояла на ногах и крепко держала в руках дымящуюся кружку ромашкового чая. Я дала ей телефон доверия, она перестала дрожать, а на щеках вновь появился легкий румянец. В комнате отдыха теперь

была только одна медсестра — она сменила двух предыдущих, довольно бесполезных. Это была Таня, подтянутая чернокожая женщина за сорок, которая работала в травматологии чуть ли не дольше, чем Бринли жила на белом свете. Таня была моей любимой коллегой. Она отлично выдерживала давление, всегда умела находить подход к пациентам и знала об обращении с людьми в экстренных ситуациях больше, чем большинство врачей, с которыми мы работали.

Прямо сейчас она стояла рядом с Бринли у окна, тихо ей что-то говорила и слегка сжимала молодой женщине плечо. Я убегала и вновь возвращалась, собирая наши с Бринли вещи, доверив Тане найти нужные слова, чтобы уберечь Бринли от срыва.

— Ты просто отлично справилась! — услышала ее я. — И я сейчас не пытаюсь тебе подлизать, чтобы взбодрить. Я видела, как гораздо более опытные медсестры впадали в таких случаях в ступор, а ты смогла собраться и сделать, что нужно. — Она повернулась ко мне. — Скажи, Эли?

Я накинула на плечо сумку Бринли и присоединилась к ним.

— Она не врет, — сказала я. — Ты молоток, я сама видела. И это совершенно нормально — немного расклеиться после такого. Адреналин взлетает до небес, а уровень кортизола просто зашкаливает. Впасть в стрессовую мини-кому вовсе не стыдно. Со мной такое тоже иногда бывает, в особенно тяжелые ночи.

Бринли побледнела.

— Я думала, сегодня была особенно тяжелая ночь.

Упс. Задний ход.

— Так и есть, — сказала я. — Просто я в этот раз не видела самого страшного. Похоже, все досталось вам с Мэлори.

Она судорожно вздохнула.

— А. Ладно.

Таня заглянула ей в лицо.

— А сейчас Эли подвезет тебя домой. У нее тоже кончилась смена.

Бринли растерянно на нас посмотрела.

— Но я на машине.

Таня кивнула.

— Да, но мы не думаем, что сейчас тебе стоит садиться за руль.

Похоже, Бринли тоже сочла это разумным.

— Да, вы, наверное, правы.

— Не волнуйся, — сказала я. — Я проверила расписание, у нас с тобой завтра смена в одно и то же время, так что сюда я тебя тоже подброшу. Ты припарковалась на стоянке для персонала?

Она кивнула.

— Там с твоей машиной все будет нормально. Тебе нужно оттуда что-то забрать?

Она нахмурилась.

— Да вроде нет...

Таня выудила чашку у нее из рук.

— Тогда вам двоим нужно сваливать, пока есть возможность.

— *Спасибо,* — одними губами сказала ей я.

Было вполне обычным делом нарваться на несколько лишних часов работы, если слишком закопаешься после окончания своей смены. Кому-нибудь постоянно нужна была лишняя пара рук, или не хватало людей, чтобы стабилизировать пациента. Бринли была для этого в неподходящей форме, а я и так провела в больнице уже лишние четыре часа. Пора было сваливать.

Я повела Бринли к запасному выходу, чтобы больше ни на кого не натолкнуться. Она шла молча, но выглядела уже гораздо лучше, чем когда я ее только увидела. Это был хороший знак.

— Ты живешь с кем-то? — спросила я.

— С парнем.

— Он сейчас дома? — Мне не нравилась мысль оставлять ее одну в таком виде.

Она кивнула.

— Дома. Я написала ему после конца смены, но потом решила присесть и... Ну, ты видела.

— Просто поговорить очень помогает, — сказала я. — Не знаю, насколько твой парень чувствительный, но если ты ему расскажешь, через что тебе сегодня пришлось пройти, то голова немного прочистится.

— Ну не знаю... — сказала она крайне неуверенным тоном.

— Можно без подробностей. Просто в общих чертах. И я вбила свой номер вместе с телефоном доверия, так что мне тоже можно звонить.

Она взглянула на меня с облегчением.

— Спасибо. Не думаю, что стоит таким делиться... Понимаешь?

Я кивнула. Я понимала. В отличие от Бринли, у меня никого не было... ну, вроде как. Но даже когда кто-то появлялся, с парнями я о работе не разговаривала. Я никогда не заводила серьезных отношений — сейчас я была слишком сфокусирована на карьере, — а на мой взгляд, рассказы о тяжелом рабочем дне или скорбь о потерянном пациенте стоит приберегать для кого-то значимого в своей жизни. В основном я изливала душу психотерапевтам или другим медсестрам, и по выражению лица Бринли я поняла, что она будет делать так же. Гражданские, как мы называем не работающих в медицине или спасательных службах людей, обычно нас не понимают.

По дороге домой мы еще немного поболтали на более безопасные темы, типа нового сериала, который все смотрят, — просто чтобы отвлечься от впечатлений прошедшей ночи. Когда я высадила Бринли у порога ее таунхауса, солнце над городом уже начало подниматься, отражаясь в далеких мерцающих небоскребах и окрашивая облака в зловещую гамму оттенков: от насыщенно-фиолетового, как у свежих синяков, до ярко-красного, как у недавно пролитой артериальной крови.

Господи, какая я сегодня мерзкая, подумала я, отрывая глаза от неба.

Я так много времени потратила, стараясь помочь, а потом отвлечь Бринли, что не успела переварить собственную кошмарную смену. У меня был парень, которого трижды пырнули ножом, женщина со сломанным запястьем, разбитым носом и виноватого вида мужем, который не разрешал ей говорить за себя, а еще двухлетка с такой острой РС-инфекцией, что его пришлось отправлять в детскую больницу на вертолете.

Но хуже всех был бездомный мужчина с обморожением. Не то чтобы это был особо тяжелый случай — обморожение

было несильное, ему даже удалось сохранить все пальцы, — просто никто в моей смене не хотел заходить к нему в палату, потому что от него отвратительно пахло, и все очень громко жаловались на это в коридоре: так, что ему явно было слышно. Это меня одновременно расстроило и взбесило, так что я отпустила остальных и отправилась к нему сама.

Именно такие случаи меня теперь задевали — не особенно страшные и кровавые, а грустные. Я циклилась на них. Где была семья этого мужчины? Пытались ли они его искать? А что с женщиной, на которую поднимает руку муж? Удастся ли ей уйти, прежде чем он снова ее ударит?

Вся дорога домой пролетела как в тумане, ведь голова была забита подобными мыслями. Я даже не заметила, как остановилась на своей подъездной дорожке. На улице еще было достаточно темно, и мой дом подсвечивали огоньки гирлянд. Уже перевалило за вторую неделю января, но у некоторых моих соседей еще оставались новогодние украшения, так что я не торопилась убирать свои. Вид весело мигающих в предрассветной хмари разноцветных огоньков меня приободрил. А именно это было мне и нужно — что угодно, лишь бы держать тоску в узде.

Я заглушила машину и вышла. Мое жилище ничего особенного собой не представляло: всего лишь двухкомнатный коттедж в деревенском стиле в полубезопасном районе. Но он был целиком и полностью мой, и я ужасно гордилась сделанным собственными руками ремонтом и отпечатком индивидуальности, который мне удалось на нем оставить. Дом был отделан состаренной вагонкой зелено-голубого цвета, плинтуса выкрашены в теплый оттенок белого, а небольшое крыльцо выглядело особенно нарядно и уютно благодаря тематическому украшению с надписью «Добро пожаловать!» на двери и праздничной елке, увешанной блестящей мишурой и игрушками.

Внутри все было так же жизнерадостно. Близких членов семьи у меня не осталось, и увешивая свой дом рождественским декором от пола до потолка, я просто отвлекала себя от мрачной мысли, что отныне праздники я буду проводить либо в одиночестве, либо на работе.